

Такое ранение обязательно нужно зашивать, иначе оно будет заживать слишком медленно.

Он поморщился и пошёл за инструментами для шитья.

Сначала он аккуратно промыл рану А-Лина, продезинфицировал её и, убедившись, что всё в порядке, нанёс немного кровоостанавливающего средства.

Наконец, приступил к наложению швов.

В течение всего этого времени Ци Цзилин оставался без сознания, и во время дезинфекции можно было лишь заметить, как его тело инстинктивно слегка подрагивало, а на лбу выступал холодный пот.

Больше никаких реакций.

До тех пор, пока не началось зашивание.

Му Цзэлань полуна коленях устроился у края кровати, действуя быстро и очень сосредоточенно.

Никакого наркоза, разумеется, быть не могло — к тому же речь шла всего лишь о небольшой дырке глубиной в пару сантиметров.

Прежде чем приступить, его пальцы слегка дрожали.

Но стоило ему начать, как руки стали невероятно твердыми.

Он зашивал рану стежок за стежком, на середине пути что-то заподозрил, однако не стал ничего говорить, а просто довёл дело до конца.

Закончив, он тяжело вздохнул, убрал принесённые инструменты и присел на край кровати.

— Всё ещё собираешься притворяться спящим?

Его лицо было холодным и отрешённым, а в голосе звучал мороз с нотками тихого смеха.

Ещё на середине швов он понял, что А-Лин очнулся: реакция организма при обмороке и в сознании разительно отличается.

Тогда он промолчал лишь потому, что боялся потревожить его, как бы не навредить лишним

волнением.

Ци Цзилин лежал на спине, крепко зажмурившись, и хранил молчание.

Словно и впрямь находился без сознания.

— Хм!

Му Цзэлань пристально посмотрел на него и горько усмехнулся про себя:

— Неужели ты настолько не хочешь меня видеть?

Он был уверен, что А-Лин уже пришёл в себя — просто избегает встречи с ним.

Ци Цзилин плотно закрыл глаза, его правая рука под одеялом сжалась в кулак.

Он не смел открыть глаза и посмотреть на Му Цзэланя. И уж точно не ожидал, что не выдержит, потеряет сознание и попадётся с поличным.

Слова не хочу видеть буквально резали сердце по живому.

Если бы действительно не хотел видеть, стал бы он специально сюда приезжать?

Просто он не смел.

Видя, что Ци Цзилин на кровати по-прежнему никак не реагирует, Му Цзэлань почувствовал, как защипало в уголках глаз — наружу выплеснулись все эмоции, которые он сдерживал целых восемь лет.

Он резко склонил голову и прижался губами к прохладным губам Ци Цзилина.

Не хочешь признаваться, что проснулся?

Что ж, посмотрим, сколько А-Лин сможет притворяться!

При соприкосновении губ их сердца одновременно дрогнули.

Ци Цзилин в конце концов не выдержал и открыл глаза: его персиковые глаза были настолько глубокими и темными, что казалось, будто у них нет дна, а на самом дне мерцали искорки

пламени.

Его взгляд слегка покраснел по краям, приобретя опасный и демонический оттенок, и он одной рукой прижал Му Цзэланя к постели.

Их роли поменялись.

Его поцелуй был одновременно жадным и диким, полностью лишая Му Цзэланя способности соображать.

На мгновение Му Цзэлань потерял ориентацию в пространстве, чувствуя себя так, словно вернулся в ту ночь восьмилетней давности.

Его А-Лин был до безумия дерзким и настойчиво третировал его.

Та ухмылка на лице, тот дразнящий тон — он помнил их каждую из бесчисленных бессонных ночей.

Лишь спустя долгое время Ци Цзилин отпустил его. От резкого движения разошлись свежие швы, и на лбу выступит капли холодного пота.

Он перевернулся на спину, тяжело и сбито дыша, зажмурился, а кончики его пальцев мелко дрожали.

Всё-таки не удержался.

Му Цзэлань по-прежнему лежал на спине, подушечками пальцев касаясь садящихся губ, скосил взгляд на Ци Цзилина, и уголки его губ сами собой изогнулись в улыбку.

— Хватит притворяться? Проснулся?

Он прищурился, глядя на упрямо зажмурившегося А-Лина, и мысленно цокнул языком.

Никто не умел так искусно заниматься самообманом, как А-Лин.

По сравнению с тем, что было восемь лет назад, А-Лин стал ещё красивее. Щетина на его подбородке была сбрита не до конца, и только что слегка колола кожу, но выглядело это невероятно притягательно.

Черты лица стали более мужественными, мальчишеская угловатость уступила место зрелой солидности, но его привычка вредничать никуда не делась — ровно такая же, как восемь лет

назад.

А этот взгляд, полный такого голодного желания сожрать его целиком, стоило лишь посмотреть на него — его было просто невозможно спрятать.

Ци Цзилин лежал на кровати, погруженный в глубокие мысли, и вел себя тише воды ниже травы — что ни говори, ноль реакции.

Какие ещё «хватит притворяться», «проснулся»?

Он ничего не знает.

Он в отключке, он лунатит, он ещё спит.

В комнате воцарилось напряжённое молчание.

К счастью, кровать была большой, на ней вполне могли разместиться двое.

Му Цзэлань не собирался давить на него, поэтому просто встал, запер дверь на замок и погасил свет.

Как только свет погас, комната погрузилась в ночную темноту, скрыв всё вокруг.

Он тихонько передвинулся и лег на бок.

Прижавшись подбородком к руке Ци Цзилина и обвив её рукой, он прошептал хриплым от эмоций голосом:

— А-Лин, я так соскучился.

Слишком много лет прошло в тоске, и даже во снах он видел только его.

Дыхание Ци Цзилина сбилось, пальцы сжались в кулаки. Уставившись глазами в знакомый потолок, он чувствовал, как саднеет в груди.

Только что он успел украдкой взглянуть.

Брат Му, его Муму, стал ещё краше, соблазнительнее, чем восемь лет назад, и попадал прямо в цель, ранив его сердце.

Он ничего не ответил, позволяя Му Цзэланю обнимать его за руку. Дождавшись, пока дыхание того станет ровным и глубоким, он медленно повернулся на бок.

Вглядываясь в заснувшего Му Цзэланя, он чувствовал, как его взгляд становится всё более мрачным и обжигающим.

Долгое время спустя он провел языком по внутренней стороне щеки и тихо выругался про себя:

— Черт!

Какая же зараза сексуальная, почему он так цепляет!

Выругавшись, он снова почувствовал, как защипало глаза, вспомнив слова Муму о том, что тот соскучился.

А затем вспомнил, как тот из неуверенности запер дверь на замок, боясь, что он сбежит — и боль в груди стала совершенно невыносимой.

Он не удержался и кончиками пальцев нежно коснулся щеки Му Цзэланя.

Вспомнив недавний поцелуй, он чуть приподнялся и оставил лёгкий, полный глубокой тоски поцелуй на лбу Му Цзэланя.

Помолчав ещё какое-то время, он полулёжа на кровати прикоснулся пальцем к костной гарнитуре в ухе и произвел низким голосом:

— Ну что там? Поймали?

— Не беспокойтесь, профессор Ци, раз уж вы лично вмешались, разве могли мы ударить в грязь лицом, если бы упустили его?

Тут же раздался голос с другого конца провода.

— Мм. Я немного ранен, мне нужно отдохнуть, в течение полумесяца без крайней необходимости меня не беспокоить. Если что-то случится, пишите сообщения, но сюда не приезжайте и за моими перемещениями не следите. Когда придет время, я сам объявлюсь.

Он говорил очень тихо, предварительно убедившись, что Муму крепко спит.

Му Цзэлань и вправду спал. Он с детства отличался слабым здоровьем, а простояв пол-ночи на

холодном ветру во дворе, и вовсе выбился из сил.

Прижавшись к своему долгожданному А-Лину, он одновременно чувствовал смертельную усталость и сонливость. Сначала он думал не ложиться, но... организм взял своё, и он уснул крепким сном.

— Слушаемся, профессор Ци, вы проделали тяжёлую работу, предоставьте эти мелочи нам. Позже я отправлю вам последние сводки, посмотрите, не могли ли бы вы в кое-чем помочь?

Голос на том конце звучал осторожно — всё-таки перед ними был великий мастер, которого пришлось уговаривать.

— Хорошо, присылайте. Ладно, хватит об этом, отдыхайте давайте.

Ци Цзилин бросил трубку, вытащил гарнитуру из уха и убрал в карман.

Сначала он думал, что не сможет уснуть, но присутствие рядом живого человека сделало своё дело: ближе к рассвету он всё-таки поддался накатившей дремоте и провалился в сон.

<http://bllate.org/book/21914/2276781>